

АЛЕКСАНДР ВДОВИН

профессор МГУ

БОРЬБА В СТАЛИНСКОМ ОКРУЖЕНИИ ЗА ПОДСТУПЫ К ВЛАСТИ В 1945–1953 годах

Правда и вымыслы

В послевоенные годы, вплоть до XIX съезда партии (октябрь 1952 года), так же, как и до войны, высшую руководящую силу в СССР имел Центральный Комитет ВКП(б) и его постоянно действующий орган – Политическое бюро ЦК во главе со Сталиным. После съезда были сформированы новые составы ЦК, Президиума ЦК (вместо прежнего Политбюро) и Бюро Президиума ЦК. На протяжении 1946–1952 годов в разное время членами Политбюро были 13 ближайших соратников Сталина: К. Е. Ворошилов (член Политбюро в 1926–1960 годах), М. И. Калинин (1926–1946), В. М. Молотов (1926–1957), Л. М. Каганович (1930–1957), А. А. Андреев (1932–1952), А. И. Микоян (1935–1966), А. А. Жданов (1939–1948), Н. С. Хрущёв (1939–1964), Л. П. Берия (1946–1953), Г. М. Маленков (1946–1957), Н. А. Вознесенский (1947–1949), Н. А. Булганин (1948–1958), А. Н. Косыгин (1948–1952, 1960–1980)¹. Они же занимали ключевые позиции в высших органах государственной власти и управления страны – Верховном Совете СССР (высший представительный и законодательный орган) и правительстве (Совет министров СССР, исполнительный и распорядительный орган)².

При Совете Министров в феврале 1947 года были созданы восемь отраслевых бюро (позднее их стало больше), каждое из них координировало родственные министерства и ведомства. Председателями бюро были Маленков (курировал 6 министерств и ведомств), Вознесенский (7), М. З. Сабуров (11), Берия (7), Микоян (5), Каганович (8), Косыгин (5), Ворошилов (19 министерств и ведомств)³. В аппарате ЦК партии остались только два управления: кадров, агитации и пропаганды, а также два отдела – оргинструкторский и внешней политики; отраслевые отделы были ликвидированы. В публичных выступлениях упоминание о «руководящей роли Коммунистической партии» звучало сравнительно реже. В предвыборной речи 9 февраля 1946 года Сталин заявил, что единственная разница между коммунистами и беспартийными состоит в том, что «одни состоят в партии, а другие – нет»⁴. В советском обществе это воспринималось как откровенное заявление о снижении авангардной роли партии.

Роль Политбюро как коллективного генератора политического курса и важнейших управленческих решений в послевоенные годы по сравнению

с предвоенным периодом заметно снизилась. До 1952 года состоялось только девять заседаний с участием большинства его членов. Лидер партии, секретарь ЦК И. В. Сталин одновременно возглавлял Совмин СССР, в официальных случаях именовался “глава Советского государства”. Функции партийных и государственных органов были тесно переплетены. Внутри Политбюро складывался узкий круг приближенных к Сталину лиц. С октября 1946 года в состав “семёрки” входили Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов, Вознесенский. На этот “ближний круг” замыкались вопросы внешней политики и внешней торговли, госбезопасности, вооружённых сил и другие важнейшие вопросы государственного управления⁵.

Снижение роли коллективности в работе Политбюро объясняется ухудшением здоровья Сталина, серьёзно пошатнувшегося осенью 1945 года. Дали о себе знать чрезмерные физические и нервные нагрузки военного времени. В октябре у Сталина случился инсульт. После него полностью восстановить здоровье и работоспособность не удавалось. Н. В. Новиков, посол СССР в США, участвовавший во встрече Сталина с госсекретарём США Дж. Маршаллом 15 апреля 1947 года, вспоминал, что, в отличие от встреч со Сталиным до войны и в военные годы, когда это был “собранный, нимало не угнетённый возрастом руководитель партии и страны... , я видел перед собой пожилого, очень пожилого, усталого человека, который, видимо, с большой натугой несёт на себе тяжкое бремя величайшей ответственности”⁶.

С 1946 года Сталин стал реже появляться в Кремле. Росла длительность его отпусков с выездом на юг. Согласно записям посещений его кабинета, в 1946 году перерыв в приёмах составил более трёх месяцев, в 1947 году – два месяца, в 1948-м и 1949 годах – по три месяца, в 1950 году – около пяти месяцев. Более полугода длился перерыв с 9 августа 1951 года по 12 февраля 1952 года. Большую часть 1952 года Сталин провёл на даче, куда соратники приглашались для решения неотложных дел. Последний раз в жизни Сталин находился в своём кремлёвском кабинете 17 февраля 1953 года.

В ноябре 1952 года Бюро Президиума ЦК КПСС приняло решение, что в случае его отсутствия председательствовать на заседаниях поочередно будут Маленков, Хрущёв и Булганин. Им же поручалось рассмотрение и решение текущих вопросов. Предусматривалось также, что заседания правительства в отсутствие Сталина будут вести поочередно заместители Председателя Совета Министров Л. П. Берия, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров⁷. Таким образом, принятие решений всё больше перетекало к соратникам Сталина из ближнего окружения. С 1950 года обозначилась четвёрка лидеров: Маленков, Берия, Хрущёв и Булганин. Сталин играл роль верховного арбитра в случаях, когда не удавалось достичь единогласия при принятии коллективных решений без его участия.

Разногласия, имевшиеся в руководстве СССР при определении намёток плана четвёртой пятилетки, вызывались различием представлений об основных тенденциях послевоенного развития. Жданов, Вознесенский и ряд других деятелей считали, что с возвращением к миру в капиталистических странах наступит экономический кризис, усилятся межимпериалистические противоречия и конфликты. Это сулило ослабление угрозы СССР со стороны западных держав и позволяло отказаться от традиционной политики форсированного развития тяжёлой промышленности, остановиться на сравнительно либеральных вариантах плана, в большей мере опираться на экономические рычаги (цены, стоимость, кредит, прибыли) в дальнейшем развитии народного хозяйства. Маленков, Берия и другие не исключали способности капитализма справиться с внутренними противоречиями. С этой точки зрения послевоенная международная обстановка виделась крайне тревожной, наличие у противника атомной бомбы делало её ещё мрачнее. Отказ от дальнейшего форсированного развития индустриальных и оборонных отраслей и от командно-административных методов руководства экономикой исключался. Развитие событий оправдывало ожидания политических реалистов.

Соратники Сталина, занимавшие ключевые посты в партийных и государственных структурах власти, были вовсе не единой и однородной командой, как могло казаться в свете показательного почитания и славословий, расточавшихся в адрес лидера. Стремясь закрепить свою власть, они в этом отношении выступали сообща, но в других – не брезговали древнейшими методами политической интриги. Победы и поражения в невидимой для населения страны

борьбе за выход на ближайшие подступы к верховной власти позволяют различать три этапа в почти восьмилетнем послевоенном сталинском руководстве. Рубежами между ними выступают март 1949 года и июль 1951-го.

На первом этапе (май 1945-го — март 1949-го) Сталин постарался обезопасить властный Олимп от возможных покушений на него со стороны наиболее влиятельных в годы войны членов ГКО и генералитета, вышедшего из войны в ореоле спасителей Отечества. Советские вооружённые силы в конце войны имели в своих рядах 12 маршалов Советского Союза, 3 главных маршала и 12 маршалов родов войск, специальных войск, 2 адмиралов флота. В августе 1944 года в Красной армии, без ВМФ, НКВД и НКГБ, насчитывалось 2952 генерала, из которых 1753 получили генеральские звания в период войны. Из 183 общевойсковых командармов за время войны только один генерал Власов оказался предателем, выступившим на стороне Германии⁸.

Сразу же после войны под пристальным вниманием Сталина оказался Г. К. Жуков. 27 июня 1945 года он пригласил к себе на дачу под Москвой гостей на празднование Победы. Среди них были военачальники С. И. Богданов, В. В. Крюков с женой, исполнительницей русских народных песен Л. А. Руслановой, А. В. Горбатов, В. И. Кузнецов, В. Д. Соколовский, К. Ф. Телегин, И. И. Федюнский, В. И. Чуйков. Продолжая праздновать победу, они всячески превозносили вклад в неё Жукова, говорили о нём как о победителе Германии. А на следующий день с записями разговоров был ознакомлен Сталин, и это стало причиной подозрительности к маршалу.

Видимо, его имел в виду Сталин, когда в разговоре с писателями 14 мая 1947 года говорил о недостатках в воспитании советского патриотизма у части советских людей. «Было преклонение перед иностранцами... Сначала немцы, потом французы, было преклонение... У военных тоже было... Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь и они хвосты задрали»⁹. Вероятно, речь могла идти о военных, которые впадали в другую крайность, создавая преувеличенно высокое мнение о себе, чреватое необоснованными претензиями и разного рода неприятностями.

Западная пропаганда подогревала подозрения в советских верхах в отношении военных, утверждая, что они выступают на ближайших выборах в Верховные Советы союзных республик с альтернативными списками кандидатов в депутаты. Выдвижение на самые высшие посты в государстве прочили Жукову. Д. Эйзенхауэр, командующий американскими оккупационными войсками в Европе, в своём кругу пророчил: «Мой друг Жуков будет преемником Сталина, и это открывает эру добрых отношений»¹⁰. Жуков оправдывал подобные ожидания самостоятельностью и независимостью суждений, проявлением непочтения к одному из тогдашних фаворитов Сталина, министру госбезопасности В. С. Абакумову, не особенно скрываемым желанием видеть себя на посту министра обороны.

Для компрометации Жукова было использовано «трофейное дело»¹¹ и так называемое «дело авиаторов»¹². Командующий военно-воздушными силами Советской армии, главный маршал авиации А. А. Новиков и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин¹³ по показаниям арестованного в начале 1946 года маршала авиации А. С. Худякова были обвинены в приёме на вооружение самолётов и моторов, имевших производственные дефекты, ведущие к большому числу катастроф. На основе сфабрикованных в ведомстве В. С. Абакумова материалов Новиков, Шахурин и пятеро их подчинённых были осуждены решением Военной коллегии Верховного суда на разные сроки лишения свободы. Тень пала и на Г. М. Маленкова и Л. П. Берия, отвечавших за работу авиационной промышленности. Во время следствия по делу были также получены показания о попытках Жукова «умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования».

Весной 1946 года были арестованы 74 генерала и офицера группы советских войск в Германии по обвинениям в растрате фондов и вывозе для себя из Германии и Австрии разного имущества, мебели, картин, драгоценностей (прошли испытания боями, но не устояли перед трофейной роскошью). Однако вскоре после арестов в обвинениях стал фигурировать антиправительственный заговор военных во главе с Жуковым¹⁴.

Г. К. Жуков был отозван с руководящих постов в Германии, где его заменил возведённый в маршальское звание В. Д. Соколовский, а затем (с марта 1949 года по март 1953-го) генерал армии В. И. Чуйков. В марте 1946 года Жуков получил назначение на пост главнокомандующего Сухопутными

войсками Советской армии и заместителя министра обороны СССР. А 1 июня 1946 года состоялся разбор “дела Жукова” на заседании Высшего военного совета. На основе вынужденных показаний арестованных ранее маршала А. А. Новикова и генерала К. Ф. Телегина прославленного полководца обвиняли в организации заговора против Сталина, в объединении вокруг себя генералов, недовольных советским строем, в непомерном преувеличении своей роли в победе над Германией. Обвинения против Жукова в антиправительственном заговоре военных поддерживали члены Политбюро Маленков и Молотов. Однако маршалы И. С. Конев, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, П. С. Рыбалко, хотя и отметили недостатки характера обвиняемого и ошибки в его работе, твёрдо стояли на том, что заговорщиком он быть не может. Соглашаясь с критикой, Жуков заявил на заседании, “что он действительно допустил серьёзные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту главнокомандующего сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы”¹⁵. Обсуждение закончилось словами Сталина: “А всё-таки вам, товарищ Жуков, придётся на некоторое время покинуть Москву”¹⁶. Внешне казалось, что он не желал идти из-за маршала на конфликт с членами Политбюро.

3 июня 1946 года Жуков получил назначение на пост командующего Одесским военным округом. Однако этим дело не закончилось. Против него выдвигались новые обвинения, в частности, в присвоении и вывозе из Германии большого количества различных ценностей. В феврале 1947 года его вывели из числа кандидатов в члены ЦК, в январе 1948 года назначили на командование менее значимым Уральским военным округом. Опала Жукова закончилась летом 1951 года, а на XIX съезде партии его вновь избрали кандидатом в члены ЦК.

Жертвами интриг после войны стали и другие представители генералитета. Г. И. Кулик и В. Н. Гордов изобличены как “сторонники реставрации капитализма в СССР”. Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (начальник Главного артиллерийского управления в годы войны, а с 1948 года – заместитель военного министра) постановлением Совмина “О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60” снят с поста и в феврале 1952 года арестован по обвинению во вредительстве. Вместе с ним были арестованы начальник ГАУ И. И. Волкотрубенко и заместитель министра вооружения И. А. Мирзаханов. Но за 15 с лишним месяцев следствие так и не выявило фактов, которые могли бы дать основание для их осуждения. В 1948 году по “трофейному делу” репрессиям подвергся генерал-лейтенант В. В. Крюков и его жена Л. А. Русланова (реабилитированы в 1953 году).

2 февраля 1948 года на скамье подсудимых оказался адмирал флота Н. Г. Кузнецов (нарком Военно-морского флота СССР с апреля 1939-го до февраля 1946 года), адмиралы В. А. Алафузов и Л. М. Галлер, вице-адмирал Г. А. Степанов, занимавшие руководящие должности в наркомате в годы войны. Поначалу, в декабре 1947 года они были преданы “суду чести”. Их признали виновными в передаче несекретной парашютной торпеды англичанам и в низкопоклонстве перед Западом. По решению “суда чести” дело было передано в военный трибунал. В результате Алафузов и Степанов приговорены к 10 годам заключения, Галлер – к 4 годам (реабилитированы в 1953 году). Кузнецова тоже признали виновным, но освободили, учтя заслуги, с понижением в воинском звании на три ступени до контр-адмирала.

За кулисами “дела” стоял Сталин. Н. Г. Кузнецов не всегда соглашался с его решениями по флоту. Он считал ошибочным предложение разделить Балтийский и Тихоокеанский флоты каждый на два флота. Флоты были разделены, после смерти Сталина их вновь объединили. Осуждались выступления Кузнецова против строительства кораблей устаревших проектов, считались чрезмерными его требования к качеству поставляемой флоту продукции.

Тем не менее, в июне 1948 года Н. Г. Кузнецов вернулся на руководящую работу и был назначен заместителем Главкома войсками Дальнего Востока по военно-морским силам. Через год стал командующим Тихоокеанским флотом. С июня 1951 года по март 1953-го был военно-морским министром СССР, позднее – первым заместителем министра обороны СССР, Главнокомандующим военно-морскими силами. В ноябре 1955 года после взрыва на линкоре “Новороссийск” с большими человеческими жертвами был снят с должности и уволен в отставку¹⁷.

В марте 1947 года Сталин сложил с себя полномочия министра Вооружённых сил СССР и передал их сначала Н. А. Булганину, а затем А. М. Василевскому (март 1949-го), который исполнял их до марта 1953 года. В феврале 1950 года из Министерства вооружённых сил СССР были выделены Военно-морские силы и образовано Военно-морское министерство (министры И. С. Юмашев, Н. Г. Кузнецов), а Министерство вооружённых сил переименовано в Военное министерство. 15 марта 1953 года оно вновь было объединено с Военно-морским министерством в одно — Министерство обороны СССР, просуществовавшее до 26 декабря 1991 года.

Уже к концу войны становились заметными изменения в расстановке сил в самом Политбюро ЦК. Явно ослабевали позиции старших по политическому возрасту соратников Сталина. Л. М. Каганович постановлением ГКО снят с поста наркома путей сообщения (март 1942 года). “Несмотря на его удовлетворительную работу в НКПС в мирное время, не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки”¹⁸. К. Е. Ворошилов в ноябре 1944 года был выведен из ГКО, поскольку, как было отмечено ещё в апреле 1942 года, “не оправдал себя на порученной ему работе на фронте”¹⁹. В. М. Молотов был резко осуждён за санкцию на публикацию речи Черчилля в советской печати, обещания ослабить цензуру (декабрь 1945 года) и даже за согласие в 1946 году на избрание почётным членом АН СССР, в котором Сталин увидел умаление достоинства “государственного деятеля высшего типа”²⁰. Особое недовольство вызвано тем, что он не удержал собственную супругу “от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами вроде Михоэlsa”²¹.

“Дело авиаторов” пошатнуло позиции Г. М. Маленкова. 6 мая 1946 года вышло постановление Политбюро, в первом пункте которого утверждалось: “Установить, что Г. Маленков как шеф над авиационной промышленностью и по приёму самолётов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приёмка недоброкачественных самолётов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)”. Второй пункт постановления гласил: “Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)”²². Утратив секретарский пост, он, тем не менее, остался одним из заместителей Председателя Совета Министров и членом Политбюро (избран в марте 1946 года). 13 мая 1946 года он возглавил Специальный комитет по реактивной технике и первые месяцы опалы был сосредоточен на его проблемах.

Как некоторое умаление власти Берии следует рассматривать его перемещение с поста министра внутренних дел на пост председателя Специального комитета при ГКО по руководству “всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана”. На эту должность он был назначен 20 августа 1945 года. На посту министра в декабре 1945 года его заменил С. Н. Круглов. Оставаясь в Политбюро, Берия и Маленков пользовались любой возможностью для дискредитации Жданова и его выдвинутцев — Н. А. Вознесенского (председатель Госплана СССР), А. А. Кузнецова (секретарь ЦК, в 1945–1946 годах — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии), М. И. Родионова (председатель Совмина РСФСР). Сталин поначалу считал, что именно эти его соратники должны занять лидирующие позиции в руководстве СССР после его ухода от власти, что и стало причиной ревности к ним со стороны других претендентов на высшие руководящие посты в постсталинском руководстве.

Неблагоприятно для “ленинградцев” (партийные и государственные деятели, выдвинутые во власть Ждановым) развивались события на международной арене. Вопреки их предположениям, противоречия между социализмом и капитализмом проявились в большей мере, чем внутри ведущих капиталистических стран. Винаватыми они оказались и в том, что в подведомственном А. А. Жданову Ленинграде был проявлен либерализм в отношении поэтессы А. Ахматовой и писателя М. Зощенко. В 1942 году сам Жданов, несмотря на негативное отношение к поэзии Ахматовой, при её эвакуации в Ташкент звонил секретарю ЦК КП(б) Узбекистана с просьбой позаботиться о ней. В 1943 году в Ташкенте был издан сборник её стихов.

Главным прегрешением Ахматовой было то, что она в ноябре 1945 года несколько раз без санкции властей встречалась с Исайей Берлиным, вторым секретарём британского посольства в СССР, известным литературоведом и философом. Сын богатейшего торговца лесом из имперского Петербурга,

он в 1920 году в десятилетнем возрасте был увезён родителями в Англию, где получил блестящее аристократическое образование, до 1945 года работал в британских спецслужбах. С Ахматовой они беседовали не только о поэзии, Достоевском и модных тогда Дж. Джойсе и Ф. Кафке, но и о гибели Н. Гумилёва и О. Мандельштама, о расстрелах в лагерях. В то же время с оптимизмом смотрели в будущее, отводя в нём не последнюю роль и себе. “Он не станет мне милым мужем, // Но мы с ним такое заслужим, // Что смутится Двадцатый Век”, – писала позднее Ахматова о Берлине²³.

Недовольство Сталина было вызвано также восторженным приёмом, оказанным Ахматовой 3 апреля 1946 года в Колонном зале Дома союзов на вечере встречи с ленинградскими поэтами. Вечер был проведён в нарушение касающегося Ахматовой негласного постановления 1925 года: не арестовывать, но и не печатать. У Зощенко “недостатки” оказались ещё существеннее. Недоброжелатели Жданова играли на том, что сатирические произведения писателя использовались в годы войны Геббельсом для уничижительных оценок русского человека. Однако кремлёвская критика писателей была непоследовательной. Уже в сентябре 1947 года десять “Партизанских рассказов” Зощенко были опубликованы в журнале “Новый мир”. Ахматова была восстановлена в Союзе советских писателей в январе 1951 года, Зощенко заново принят в Союз писателей в июне 1953-го. В деле Ахматовой и Зощенко Жданов, по выражению его биографа А. Н. Волынца, “попал под раздачу”: “Георгий Маленков, чей клан боролся за власть, собрал подборку политически вредных цитат из ленинградских газет и журналов того года и показал Сталину. Тот вызвал ленинградского секретаря, которому пришлось несколько судорожно реагировать”²⁴. Тем не менее, Жданову удавалось сохранить позицию второго лица в Политбюро ЦК ВКП(б) до лета 1948 года.

Проигрыш “ленинградцев” явственно обозначился 1 июля 1948 года в связи с возвращением из опалы Маленкова и новым назначением его на пост секретаря ЦК. Внезапная смерть Жданова 31 августа 1948 года ускорила разгром “ленинградцев”. В начале 1949 года от обязанностей секретаря ЦК был освобождён А. А. Кузнецов, из Политбюро вывели Вознесенского. В то же время были ослаблены позиции “старой гвардии”. В марте 1949 года Микоян (связанный родственными отношениями с Кузнецовым) был освобождён от руководства внешней торговлей. Молотов утратил пост министра иностранных дел (назначен А. Я. Вышинский). Смещение Молотова, остававшегося в сознании народных масс вторым лицом в государстве, фактически означало лишение его возможности наследовать высшую власть в стране в случае ухода от дел Сталина.

Период с марта 1949 года по июль 1951-го характеризуется резким усилением в руководстве позиций Маленкова и Берии (шансы последнего подкреплялись успешным испытанием атомной бомбы), приближением к властному Олимпу Н. С. Хрущёва (в декабре 1949 года избран первым секретарём МК и МГК и секретарём ЦК партии и сменил на этих постах “ленинградца” Г. М. Попова). Параллельно происходило укрепление позиций заместителя председателя Совмина СССР Н. А. Булганина. В феврале 1948 года он был переведён из кандидатов в члены Политбюро, а в феврале 1951 года утверждён председателем бюро Совмина по военно-промышленным и военным вопросам.

В 1949 году по сфабрикованному при активном участии Маленкова “Ленинградскому делу” началось уголовное преследование большой группы руководителей. Первые аресты произведены в августе. А. А. Кузнецов, М. И. Родионов и П. С. Попков обвинялись в проведении в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки без специальной санкции правительства, Н. А. Вознесенский – в умышленном занижении государственных планов, фальсификации статистической отчётности и утере секретных документов. Очевидно, что в связи с арестами “преступников” столь высокого ранга в январе 1950 года была восстановлена смертная казнь, отменённая 26 мая 1947 года.

Подоплёка преследований “ленинградцев” хорошо представлена в подготовленном Маленковым и Берией проекте закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК от 12 октября 1949 года: “Можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа... С одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 г. в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало

очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК... Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания Российской коммунистической партии большевиков... и ЦК РКП(б) и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других народов за счёт русского народа²⁵. Большую долю ответственности Маленков и Берия возлагали и на покойного Жданова.

На ещё одну причину подозрительности Сталина в отношении “ленинградцев” указывается в мемуарах А. И. Микояна. По его словам, “ленинградцы” были якобы “недовольны засильем кавказцев в руководстве страны и ждали естественного ухода из жизни Сталина, чтобы изменить это положение, а пока хотела перевести Правительство РСФСР в Ленинград, чтобы оторвать его от московского руководства²⁶. П. С. Попкову припоминали, что он в разговорах со “встречными и поперечными” “агитировал” за создание, по образцу других союзных республик, Компартии России со штаб-квартирой в Ленинграде, за перевод туда правительства РСФСР. О Вознесенском говорили как о будущем председателе Совета Министров РСФСР, о Кузнецове – как о первом секретаре ЦК КП РСФСР, о Жданове – как о генеральном секретаре. У обвиняемых были и другие прегрешения, но главные – “и “кавказцы”, и желание отдалить руководство России от руководства СССР – были рассчитаны на Сталина: он охотно клевал на такие вещи²⁷. И тут он легко поддался внушению: “Если из его рук уходит российская партия и российская государственность, то он остаётся генералом без армии”. Как написал о Сталине С. Ю. Рыбас, после войны “он испугался того, что во время войны пестовал как непобедимую силу, – русского национализма²⁸. Иными словами, Жданов и “ленинградцы” шли национал-большевистским путём несколько дальше, чем это было приемлемо для Сталина. Так или иначе, но он не дал своей санкции на рассылку письма Маленкова и Берии от октября 1949 года, однако карательную машину против “ленинградцев” не остановил.

В конце сентября 1950 года обвиняемые предстали перед судом. Средства массовой информации о нём ничего не сообщали, чтобы не давать повода для слухов о расколе в руководстве страны. После расстрелов 26 главных обвиняемых (1 октября 1950 года) последовала “чистка”, закончившаяся увольнением с работы и осуждением 69 руководителей, обязанных своим выдвижением ленинградской партийной организации, и 145 их близких и дальних родственников. Из 214 осуждённых 36 работали в Ленинградском обкоме и горкоме партии, в областном и городском исполкомах, 11 занимали руководящие посты в других обкомах партии и облсполкомах, 9 – в райкомах и райисполкомах Ленинградской области.

Проигрыш “ленинградцев” обусловлен отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными в интригах и аппаратных комбинациях. В более широком плане он означал поражение направления в руководстве страной, ориентированного на первоочередное решение внутренних политических, экономических и гражданских проблем – смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы “Б”, решение проблем политического образования и культуры, подготовку новых Конституции и Программы партии. Одновременно это было победой направления, связанного с руководством военно-промышленным комплексом и делавшего ставку на его всемерное развитие как главного инструмента в сражениях на фронтах холодной войны и, в конечном счёте, на достижение мирового господства под флагами социализма и коммунизма.

В. Д. Кузнечевский, автор новейших исследований о “Ленинградском деле” и “русском вопросе”, отвечая на вопрос, за что же пострадали Кузнецов, Вознесенский, Попков и другие руководители Ленинграда, полагает, что все они были искренне преданы советской власти, однако вместе с тем считали, что интересы русского населения в СССР учитываются недостаточно. Возможно, после провозглашённой Сталиным здравицы в честь русского народа они ошибочно решили, что реализация русских национальных интересов совместима с общепартийной политической линией. По версии Кузнечевского, русский партикуляризм ленинградцев в наибольшей степени проявился в идеях экономических преобразований, которые они успешно продвигали

в послевоенный период, в частности, призывали более активно перенаправлять ресурсы в социально-экономическую сферу. Именно в этом заключалось ключевое идейное противоречие с московскими конкурентами (Маленков, Берия), полагавшими, что наращивание оборонного потенциала страны должно быть приоритетным направлением экономического развития. Кузнецевский убежден, что проекты, которые ленинградцы стремились воплотить в жизнь, были наивной попыткой укрепить позиции титульной нации в контексте многонационального Союза. Эти инициативы, в сущности, полностью соответствовавшие реализуемой партийной линии, тем не менее, встревожили Сталина, который усмотрел в них стремление к административной автономии и этническому самоопределению. Основная же причина репрессий усматривается в страхе Сталина перед пробуждением русского национального самосознания в партийной элите как угрозе своей безраздельной власти в СССР²⁹.

Акцентируя внимание на роли А. А. Жданова как лидера ленинградской группировки и так называемой русской партии, Кузнецевский полагает, что после войны Жданов вынашивал идею трансформации политического режима СССР в некое подобие социал-демократического устройства, при котором этнически русское население страны будет играть доминирующую роль³⁰. Биограф Жданова и вовсе полагает, что он «явился последним концептуальным национальным идеологом русского государства»³¹. Именно Жданов курировал и направлял деятельность по разработке в 1947 году новой программы партии, проект которой предусматривал устранение монолитной диктатуры партии большевиков и введение децентрализованной системы управления. В то же время Жданов выдвигал предложения по диверсификации экономики с целью увеличения субсидий в лёгкую промышленность и производство товаров народного потребления. Считается, что, Сталин, критически воспринявший предложения Жданова, вовсе отказался от идеи создания новой программы партии³².

Вероятно, не подозревая о степени недовольства Сталина, Жданов и его сподвижники продолжали отстаивать свой подход к реорганизации внутренней политики страны. По мнению Кузнецевского, это находил подтверждение в попытках председателя Совета Министров РСФСР Родионова заручиться поддержкой вождя в деле организации бюро Центрального комитета ВКП(б) по РСФСР в период 1947–1948 годов. Сталин, по-видимому, проигнорировал такие предложения вследствие опасений, что подобные инициативы могут привести к сепаратистским тенденциям.

«Русская партия» не подвергалась опале за свои предложения «националистического характера» до тех пор, пока их интересы перед лицом Сталина защищал Жданов. После его смерти в августе 1948 года «ленинградская группа» оказалась в уязвимом положении. В течение нескольких месяцев Г. М. Маленков и Л. П. Берия собрали достаточное количество материалов с целью компрометации группы и её устранения от ключевых рычагов власти. Сталин прекрасно понимал, что репрессии были направлены не столько против бывших соратников Жданова, сколько в массовом порядке против этнических русских, занимавших в то время ключевые посты в структурах партийного и советского руководства страны: «Фактически была выбита из управленческих структур едва не вся интеллектуальная элита русского народа, которая, благодаря энергичному напору Андрея Александровича Жданова, сумела выдвинуться в эти структуры в предвоенные, военные и послевоенные годы»³³.

С арестом министра государственной безопасности В. С. Абакумова (июль 1951 года) начался этап подготовки Сталиным более радикальных изменений в руководстве страной. Министр МГБ, бывший главным исполнителем расправы над «авиаторами», Жуковым, «ленинградцами», видимо, не вполне устраивал Сталина как организатор расследования «преступлений» Еврейского антифашистского комитета (ЕАК).

Преследования комитета перешли в активную фазу со времени гибели (январь 1948 года) его руководителя С. М. Михоэлса, подозревавшегося в попытках использовать дочь Сталина Светлану и её мужа Г. И. Морозова в корыстных интересах евреев. Особое негодование Сталина вызвало то, что по каналам еврейского комитета в США транслировались слухи о его виновности в гибели (1932) жены Надежды Сергеевны, других родственников. В этой связи были арестованы в конце 1947 года два сотрудника академических институтов, «изобличившие» родственников Сталина по линии жены — А. С. Аллилуеву,

Е. А. Аллилуеву, её второго мужа Н. В. Молочникова и дочь от первого брака с братом жены Сталина К. П. Аллилуеву – как источник “клеветнических измышлений по адресу членов правительства”. Михоэлс был “изобличён” как “еврейский националист” и распространитель измышлений³⁴.

С деятельностью ЕАК было решено покончить после приезда в Москву в сентябре 1948 года израильского посланника Голды Меир. Произошло это после ряда восторженных встреч, устроенных посланнице недавно возникшего еврейского государства (провозглашено 14 мая 1948 года на основе решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года). СССР поддерживал создание Израиля в расчёте на то, чтобы получить в его лице новое социалистическое государство и верного союзника. В Москве назывались даже возможные руководители нового государства. Премьером предлагали избрать С. А. Лозовского (член ЦК ВКП(б), бывший заместитель министра иностранных дел и начальник Совинформбюро), министром обороны – Д. А. Драгунского³⁵ (гвардии полковник танковых войск, позднее генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза). Поощрялась негласная эмиграция советских евреев на историческую родину. Однако всё это не вызвало ожидаемой реакции. Израиль вскоре после возникновения установил тесные отношения с США, выбрав капиталистический путь развития. В этих условиях просьбы Меир о расширении военной помощи и эмиграции становились неуместными, а эмиграция стала расцениваться как проявление буржуазного национализма. Не нравились Сталину и дружеские отношения, завязавшиеся у Меир с женой Молотова П. С. Жемчужиной.

Еврейский “национализм”, как и в случае с другими наказанными народами, было решено покарать. 20 ноября 1948 года Политбюро ЦК постановило “немедля распустить” ЕАК. Вскоре были арестованы 15 членов его президиума и активистов, в их числе поэты Д. Р. Бергельсон, Л. М. Квитко и П. Д. Маркиш; С. Л. Брегман, заместитель министра Госконтроля РСФСР; В. Л. Зускин, занявший пост Михоэлса в еврейском театре; И. С. Фефер, секретарь ЕАК; Б. А. Шимелиович, главный врач Центральной клинической больницы имени С. П. Боткина; академик Л. С. Штерн, руководительница Института физиологии Академии медицинских наук; И. С. Юзефович, научный сотрудник Института истории АН СССР. Аресту подверглись также С. А. Лозовский, отвечавший за работу ЕАК по линии государственных структур, и Жемчужина, оказывавшая протекцию комитету.

Абакумов проявил медлительность в организации расследования “дела ЕАК”. (Оно завершено уже без его участия летом 1952 года.) Появились подозрения, что делает он это намеренно. Такое предположение высказано 2 июля 1951 года в письме следователя по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмина на имя Сталина, которое готовилось с помощью аппарата Маленкова. В нём утверждалось, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела “еврейского националиста” кардиолога Я. Г. Этингера (арестован 18 ноября 1950 года, умер в тюрьме 3 марта 1951-го; дал показания о том, что “имел террористические намерения”, “практически принял меры к тому, чтобы сократить жизнь” А. С. Щербакова в 1945 году). Абакумов признал показания “надуманными”, приказал перевести больного врача в сырую и холодную камеру, где тот умер. Намеренное умертвление якобы помешало получить сведения о вредительской деятельности врачей.

Немедленно созданная постановлением Политбюро комиссия в составе Маленкова, Берии, заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК партии М. Ф. Шкирятова, представителя ЦК в МГБ С. Д. Игнатьева (министр госбезопасности с августа 1951 года) должна была проверить изложенные Рюминым факты. Факты были признаны объективными. Так зародилось “дело врачей-отравителей”, будто бы погубивших членов Политбюро А. С. Щербакова, А. А. Жданова, старавшихся вывести из строя маршалов А. М. Василевского, Л. А. Говорова, И. С. Конева и др. По версии Рюмина, евреи решили сделать Абакумова марионеточным диктатором и за его спиной править страной. При этом деятели культуры и искусства обеспечивали бы связи с американцами, врачи-убийцы должны были устранять лидеров страны, открывая путь Абакумову, офицеры МГБ – непосредственно захватить власть.

Правдоподобность существования заговора обосновывалась показаниями арестованного заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ полковника Л. Л. Шварцмана, оговорившего многих своих

коллег по репрессивному ведомству и признавшегося в самых невероятных собственных преступлениях, включая ярый национализм, организацию убийства Кирова, гомосексуализм, инцест, в явном расчёте на то, что его сочтут сумасшедшим. Однако судебно-психиатрическая экспертиза признала Шварцмана вменяемым. Часть его показаний признана настолько существенной, что дело Абакумова впредь именовалось делом Абакумова — Шварцмана³⁶.

В раскручивании дела использовались письма заведующей отделением Лечебно-санитарного управления Кремля Л. Ф. Тимашук, по недавним ещё представлениям давшие толчок “делу врачей”. Письма, в которых отстаивался правильный диагноз смертельного заболевания Жданова, были “раскопаны” М. Д. Рюминым в августе 1952 года и стали поводом для дискредитации возглавлявшего почти четверть века личную охрану Сталина генерал-лейтенанта Н. С. Власика и А. Н. Поскрёбышева (помощник генсека в 1924–1929 годах, заместитель заведующего и заведующий Секретным отделом ЦК в 1929–1934 годах, заведующий особым сектором Секретариата ЦК в 1934–1952 годах, секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК в 1952–1953 годах).

Для Сталина версия о заговоре в МГБ могла быть большой находкой. Используя жупел национализма и сионизма, можно было не только окончательно устранить от власти Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Андреева и многих других партийных и государственных деятелей, имевших родственные связи в еврейской среде, но и указать на них как на причину отсутствия заметных улучшений в материальной и духовной жизни народа-победителя.

Кадровые перестановки, оформленные после XIX съезда партии на Пленуме ЦК 16 октября 1952 года, положили начало процессу масштабного обновления руководящих кадров. Если по решению предшествующего съезда в Политбюро было 9 членов и 2 кандидата, а в Секретариате — 4 члена, то новый состав Президиума ЦК КПСС (название высшему органу партийной власти дал XIX съезд) включал 25 членов и 11 кандидатов, Секретариат — 10 членов. Расширение этих структур мотивировалось упразднением существовавшего прежде Оргбюро ЦК.

Новый ареопаг становился своего рода резервом для выдвижения на первый план новых властителей. На пленуме Сталин обрушился с резкой критикой на Молотова и Микояна, обвиняя их в нестойкости, трусости и капитулянтстве перед американским империализмом. Как грубая политическая ошибка было расценено стремление Молотова быть “адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым”³⁷. В образованном на Пленуме, но не предусмотренном Уставом партии бюро Президиума ЦК, помимо Сталина, значились Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров и Хрущёв. Представительство “старой партийной гвардии” в ближайшем окружении Сталина сводилось к минимуму.

В ноябре 1951 года начало рассматриваться ещё одно “дело”, чреватое важными политическими последствиями. Было принято постановление “О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе Барамия”, в котором утверждалось, что в этой республике вскрыта мегрельская националистическая организация, которую возглавлял секретарь ЦК КП Грузии М. И. Барамия. Новое постановление ЦК (от 27 марта 1952 года) о положении дел в Компартии Грузии “уточняло”, что нелегальная националистическая группа “ставила своей целью отторжение Грузии от Советского Союза”. По этому “делу” были арестованы как “буржуазные националисты” 7 из 11 членов бюро ЦК КП Грузии, 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии. Арестован весь партийный актив Мегрелии. В одном из докладов Сталину по этому “делу” Рюмин и Игнатъев изложили подозрения министра государственной безопасности Грузии Н. М. Рухадзе в адрес Берии, который якобы скрывал своё еврейское происхождение и тайно готовил заговор против Сталина. Таким образом, “мегрельское дело” могло обернуться и против “самого большого мегрела”. Берия это прекрасно сознавал и, будучи арестованным, отмечал в письме от 1 июля 1953 года благодетельную роль Маленкова в своей судьбе, “особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии”³⁸.

Скорее всего, Берия не оставался безучастным к надвигавшейся опасности. Незадолго до марта 1953 года оказались арестованными Поскрёбышев и Власик, неприязненно относившийся к Берии. 15 февраля 1953 года скончался полный сил комендант Кремля генерал-майор П. Е. Косынкин, назна-

ченный Сталиным на эту должность из своей охраны. Оставаясь на своих постах, они вряд ли позволили бы проявить медлительность в оказании медицинской помощи сражённому инсультом Сталину, какую открыто продемонстрировали Берия, Маленков и Хрущёв. По их нераспорядительности Сталин после удара был без помощи охраны и врачей не менее 26 часов³⁹.

“Дело врачей” приобрело зримые очертания в ноябре 1952 года, когда на Лубянке оказались начальник Лечебно-санитарного управления Кремля П. И. Егоров, известные профессора медицины В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, Б. Б. Коган. Сталин был недоволен нерешительностью министра Игнатьева, приказал отстранить от дела одного из главных его вдохновителей – Рюмина, который, видимо, опасаясь участи Ягоды, Ежова, Абакумова, явно умерил свой пыл. 15 ноября вместо Рюмина был назначен новый следователь по “делу врачей” – заместитель министра госбезопасности С. А. Гоглидзе. Вскоре врачи “дали” нужные показания.

Вопросы о вредительстве в лечебном деле и положении в МГБ были вынесены на обсуждение Президиума ЦК КПСС. Заседание состоялось 1 декабря 1952 года. Судя по дневниковым записям члена Президиума ЦК В. А. Малышева, Сталин говорил: “Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство. Любой еврей-националист – это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов. Неблагополучно в ГПУ (использовано название органов МВД и МГБ в 1922–1934 годах. – Ред.). Притупилась бдительность. Они сами признаются, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ”⁴⁰. За лечение принялись безотлагательно.

Уже 4 декабря в постановлении ЦК партии “О вредительстве в лечебном деле”⁴¹ вина за “вражескую группу врачей-отравителей и еврейских националистов” возлагалась на министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнова, министра МГБ В. С. Абакумова и начальника Главного управления охраны Н. С. Власика. В записке “О положении в МГБ”, составленной по итогам заседания Президиума ЦК от 4 декабря 1952 года, отмечалось, что “партия слишком доверяла и плохо контролировала” его работу и требовалось “решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов”⁴².

9 января 1953 года бюро Президиума ЦК обсудило проект сообщения ТАСС об аресте группы “врачей-вредителей”. 13 января появилась “хроника ТАСС” о раскрытии органами госбезопасности “террористической группы врачей, ставящих своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза”. В числе её участников были названы девять человек. Шестеро из них были евреями по национальности, трое – русскими. 22 февраля по всем областным управлениям МГБ разослан приказ, предписывавший немедленно уволить из МГБ сотрудников еврейской национальности⁴³. Однако до суда над “врачами-отравителями” дело не дошло. “Дело врачей”, по словам Л. М. Кагановича, “пошло на убыль само собой” ещё при Сталине⁴⁴. Считается, что Сталин лично распорядился прекратить публикацию материалов, связанных с “делом врачей” в “Правде” либо вечером 27-го, либо утром 28 февраля⁴⁵.

С 25 февраля 1953 года в СССР была приглушена антиссионистская и антиамериканская риторика. Объяснение видится в публично данном этим днём согласии президента США Эйзенхауэра на встречу со Сталиным, ранее (24 декабря 1952 года) заявившем о готовности к возобновлению сотрудничества с Западом и к встрече с президентом Соединённых Штатов в интервью газете “Нью-Йорк таймс”⁴⁶. Согласие могло быть расценено как поворот США к более реалистичной политике в отношении стран социалистического лагеря, делающий излишним продолжение демонстрации устрашения в отношении прозападнически настроенной еврейской диаспоры этих стран.

Авторы другой версии придают особое значение появлению в “Правде” от 7 февраля 1953 года фельетона “Простаки и проходимец” и ряда других подобных публикаций в советской прессе первых месяцев 1953 года⁴⁷, в которых многочисленным персонажи с еврейскими фамилиями представлялись жуликами и стяжателями, а на работу их принимали якобы слишком доверчивые простаки и потерявшие элементарную бдительность люди. Публикации породили

волну слухов о предстоящем поголовном выселении евреев в отдалённые края по аналогии с другими наказанными народами. Для прекращения таких слухов якобы ничего не предпринималось. Делалось это якобы для того, чтобы довести антисемитскую истерию до высшей точки, вызвать антисоветскую волну на Западе, развязать войну и окончательно сокрушить всемирное зло (капитализм) и его агентов (международное еврейство). Со смертью Сталина замысел оказался нереализованным⁴⁸, – на наш взгляд, чистейшей воды домысел.

В конце 1952 года Сталин подобрал достойного, с его точки зрения, премьера на должность председателя Совета Министров СССР. Выбор пал на сравнительно молодого первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. У этой версии есть серьёзное подтверждение от бывшего Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова, который в бытность свою заведующим общим отделом и секретарём ЦК КПСС по административным органам, имел возможность получить на этот счёт прямое свидетельство от официальных лиц. По его словам, за несколько дней до назначенного на 2 марта 1953 года заседания Президиума ЦК КПСС с ведома Сталина была подготовлена записка с предложением о назначении Председателем Совета Министров СССР Пономаренко. Проект был завизирован почти всеми первыми лицами, за исключением Берии, Маленкова, Хрущёва и Булганина. Именно они и сделали всё, чтобы не допустить принятия решения⁴⁹.

Можно сказать, что это было четвёртое из наиболее крупных политических поражений Сталина за годы его правления, когда соратники не позволяли ему провести в жизнь задуманные решения. Первым из таких поражений было неприятие сталинского плана автономизации (октябрь 1922 года), вторым – отказ от предлагавшегося перехода к альтернативности на выборах в Верховный Совет СССР (октябрь 1937-го), третьим – отказ Политбюро предложить Январскому (1944) Пленуму ЦК принять постановление о том, чтобы ограничить деятельность компартии вопросами агитации и пропаганды и подбором кадров. Четвёртое – неприятие Политбюро сталинского плана радикальных изменений в руководстве страной после XIX съезда партии и назначения Пономаренко председателем Совмина СССР. Четвёртое поражение закончилось смертью реформатора. Упущенные с этими поражениями возможности могли кардинально изменить развитие Советского государства и общества.

Ранним утром 1 марта 1953 года вскоре после отъезда Маленкова, Берии, Хрущёва и Булганина, приглашённых к Сталину накануне вечером в Кунцево и, видимо, обсуждавших вопросы предстоящих изменений в высших органах власти СССР, хозяина дачи сразу удар. Впавшего в беспамятство вождя первым увидел сотрудник охраны П. В. Лозгачёв, когда в 22:30 вошёл в малую столовую с доставленной из города почтой⁵⁰. Диагноз прибывших на дачу утром 2 марта главного терапевта Минздрава СССР профессора П. Е. Лукомского, академиков АМН А. Л. Мясникова, Е. М. Тареева и других был установлен быстро: инсульт с кровоизлиянием в мозг. 3 марта врачам стало ясно, что смерть неизбежна. По радио передали правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС. 5 марта в 21 час 50 минут Сталин умер.

В тот же вечер, с 20 часов до 20:40, ещё при живом Сталине, в Кремле состоялось совместное заседание членов ЦК, Президиума ВС СССР и министров правительства⁵¹. Л. П. Берия от имени бюро Президиума ЦК предложил избрать на пост Председателя Правительства Г. М. Маленкова. Собрание единогласно поддержало предложение. Пакет новых кадровых назначений далее собранию предлагал уже новый глава Совмина. На посты первых заместителей предсовмина выдвинуты Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин и Л. М. Каганович. Председателем Президиума ВС СССР предложено избрать К. Е. Ворошилова, а освобождающегося от этого поста Н. М. Шверника – председателем ВЦСПС. Предлагалось также объединить ряд министерств, в том числе слить МГБ с МВД и назначить главой укрупнённого министерства Берия. На пост министра иностранных дел был выдвинут Молотов, министра вооружённых сил – Булганин, министра внутренней и внешней торговли – Микоян. Здесь же было решено иметь в ЦК партии вместо Президиума и бюро Президиума один орган – Президиум, “как это определено Уставом”. В его состав предложили 11 человек вместо избранных ранее 25.

Членами Президиума ЦК были избраны Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущёв, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин.

Секретарями ЦК вместо одиннадцати прежних стали четверо: Н. С. Хрущёв, С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Хрущёв среди них был единственным членом Президиума ЦК и фактически – главой секретариата. Постановление совещания с сокращениями было опубликовано в “Правде” 7 марта 1953 года уже без имени Сталина среди членов Президиума ЦК. Новая конфигурация власти определилась. На самый верх властной пирамиды были возвращены представители потеснённой Сталиным “старой гвардии”. Значительная часть сталинских выдвиженцев октября 1952 года (за исключением Сабурова, Первухина, Поспелова, Шаталина) свои позиции утратила. На заседании объявлено о поручении Маленкову, Берии и Хрущёву привести в должный порядок документы и бумаги Сталина, что было своеобразным индикатором принадлежности к подлинной власти в послесталинском СССР.

Наиболее существенной в новой конфигурации власти является полная “реабилитация” совсем было отсечённых от неё Ворошилова, Микояна, Молотова, Кагановича. Молотов, имевший большой запас политического опыта и пользовавшийся большой популярностью в стране, объективно становился возможным кандидатом на пост председателя правительства, который он занимал с декабря 1930 года по май 1941-го. Это проявилось в событиях июня 1957 года, когда Н. С. Хрущёв чудом избежал отставки с поста первого секретаря ЦК КПСС благодаря звонкам Е. А. Фурцевой председателю КГБ И. А. Серову и секретарю ЦК Н. Г. Игнатову во время отлучений с заседания Президиума ЦК “в дамскую комнату”⁵². Таким образом был инициирован план срочного созыва всех членов ЦК на пленум ради спасения Хрущёва.

Что касается причин смерти Сталина, то многие историки склонны считать, что она стала следствием заговора ряда лиц из его ближайшего окружения. Теории заговора основываются на том, что в начале 1953 года Сталин торопился завершить судами и приговорами две репрессивные кампании – “дело врачей” и “мегрельское дело”, которые могли повести к кардинальным изменениям в руководстве СССР. К этому времени Молотов, Микоян и Ворошилов уже лишились политического влияния и с конца 1952 года не входили в ближайшее окружение вождя. Аналогичная угроза нависала над Берией, Маленковым и Кагановичем. Болезнь и смерть Сталина были для всех этих лидеров спасением. Косвенным свидетельством в пользу заговора служит не только неоправданно длительная задержка вызова врачей к больному на дачу Сталина, но и официальная фальсификация в правительственном сообщении даты и места случившегося у Сталина инсульта. Ясности в эти вопросы не удаётся внести до сих пор. Например, в книге А. Л. Костина “Убийство Сталина. Все версии и ещё одна” (М., 2017) события начала марта 1953 года излагаются так.

Четвёрка государственных деятелей, ужинавших со Сталиным в ночь на 1 марта, условилась встретиться тем же днём не за обеденным столом на даче, а на заседании в Кремле в 23 часа, чтобы согласовать Программу реформы государственной власти и самой партии сначала на заседании Бюро Президиума. Планировалось позднее, 2 марта утвердить её на Президиуме ЦК, а 5 марта – на совместном заседании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

На заседании, начавшемся в Кремле 1 марта в 23 часа, Сталин якобы представил П. К. Пономаренко и Л. И. Брежнева как кандидатов на посты председателя правительства и генерального секретаря ЦК соответственно. Возражений не было. Однако при обсуждении второго вопроса – о “деле врачей” – случилось непредвиденное. Выступавший Л. М. Каганович начал говорить о проникновении *зёрен международного сионистского заговора на нашу землю и об убийцах в белых халатах*, требуя их сурового наказания. Услышав неожиданное обвинение в адрес всей еврейской нации, которая является якобы инородным телом в дружной семье советских народов, Сталин начал подниматься со своего места, чтобы возразить выступавшему. А Каганович между тем предлагал “поддержать идею товарища Сталина о переселении всех евреев Советского Союза на Дальний Восток, преобразовав Еврейскую автономную область в автономную республику, увеличив её территорию за счёт Хабаровского края и Амурской области”. Предложения Кагановича сильно взволновали Сталина и вызвали у него нарушение мозгового кровообращения. Случился удар. Произошло это примерно в 3 часа 20 минут 2 марта. Заседание прервали. Дежурный врач начал оказывать первую помощь пострадавшему.

Ответственность за организацию дальнейшего лечения взяли на себя члены четвёрки. Было решено перевезти Сталина на дачу и там развернуть минигоспиталь. Больной был доставлен в Кунцево к 7 часам утра. Свидетелями последующих событий на даче были сотрудники охраны. Однако им, как и участникам заседания в Кремле, было запрещено что-либо говорить от своего имени и о совещании в Кремле, и об уходе из жизни Сталина. Решено было также предать забвению предлагавшиеся Сталиным преобразования в системе власти, разрушавшие политическое будущее основных претендентов на высшую власть в СССР после Сталина. Всё это неуклонно исполнялось участниками и свидетелями событий 1 и 2 марта 1953 года. СМИ распространяли только официальные сообщения. Сотрудникам управления охраны, несущим службу на даче, было разрешено “вспоминать” об этих днях только 3 марта 1977 года и только в соответствии с инструкцией, полученной в ЦК КПСС⁵³. С этого времени воспоминания сотрудников охраны наряду с прочими источниками стали анализироваться историками. Очевидно, однако, что версия Костина, идущая вразрез с многочисленными трудами сталинианы⁵⁴, нуждается в дальнейшем обосновании.

Берия приписывал заслугу устранения Сталина себе. 1 мая 1953 года он якобы говорил на трибуне Мавзолея Молотову так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущёв и Маленков: “Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя”⁵⁵.

Эта версия получила широкое хождение. К примеру, в мае 1964 года первый секретарь ЦК Албанской Компартии Энвер Ходжа резко осуждал советских лидеров, которые “имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина”⁵⁶. Хрущёв на митинге 19 июля 1963 года в честь венгерской партийно-правительственной делегации свою филиппику в адрес Сталина закончил недвусмысленным заявлением: “В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором”⁵⁷.

Наряду с этим широко распространено мнение, что при смерти Сталина никакого заговора не было. По заключению историка Ю. Н. Жукова (2002), “Сталин перенёс три инсульта и умер от четвёртого”⁵⁸. В 2017 году на вопрос журнала: “Винovat ли Хрущёв сотоварищи в смерти Сталина?” — историк ответил: “Ни в коем случае”. Вечером 28 февраля 1953 года приехали к нему товарищи, посидели, поговорили за бокалом домашнего вина. “Уехали, а у Сталина инсульт. Поначалу охрана побоялась принимать меры, решила — ну, заснул, спит, мало ли, разбудишь, и пропустила срок. А этот инсульт у Сталина был четвёртый. Спросите сегодня у любого кардиолога, можно ли было в 1953 году спасти человека, у которого четвёртый инсульт? Вот и всё”⁵⁹. Известный врач-клиницист Ф. М. Лясс в 2007 году писал: “Для врача загадки в смерти Сталина нет: “тяжёлый гипертоник, находящейся в перманентном эмоциональном напряжении и круглосуточном стрессе, в страхе за свою власть, подозрительный ко всем его окружающим без исключения, не леченный. С точки зрения медицины заболевание у Сталина возникло совершенно закономерно, развивалось по классическому типу и завершилось неминуемой смертью”⁶⁰.

Гигантское разнообразие мнений и оценок исторической роли И. В. Сталина до сих пор не позволяет прийти к какому-то единому мнению. Очевидно, однако, что посмертный суд над Сталиным, начатый по инициативе Л. П. Берия, а затем Н. С. Хрущёва, и попытки оценить его роль только негативно и даже полностью вычеркнуть это имя из истории не удаются.

Пожалуй, в наиболее краткой форме суть достижений Сталина после его смерти выражена фразой: “Он получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставляет её оснащённой атомными реакторами”⁶¹. После распада СССР, когда появилась возможность сравнивать различные периоды в истории страны, стали говорить, что сталинская эпоха была “подобна взрыву сверхновой звезды, на затухающем импульсе которого мы двигались почти сорок лет”⁶².

Выдающийся российский историк Ю. Н. Жуков предлагает оценить деятельность Сталина “на китайский манер”: это фигура с 75 процентами положительного и 25 процентами неудач⁶³. Историк О. Ю. Васильева (министр образования и науки РФ, 19.08.2016–07.05.2018), считает, что “Сталин при всех недостатках — государственное благо, потому что накануне войны занялся единением нации, возродил героев дореволюционной России и занялся пропагандой русского языка и литературы, что, по большому счёту, и позволило выиграть войну”⁶⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917–1991. М., 2005.
- ² Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. М., 1999.
- ³ Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 70.
- ⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 15, 16. М., 1997. С. 16.
- ⁵ Емельянов Ю. В. Сталин. На вершине власти. М., 2007; Жуков Ю. Н. Сталин. Тайны власти. М., 2005; Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.
- ⁶ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. М., 1989. С. 383.
- ⁷ Осокин А. Н. В кабинете Сталина без Сталина? URL: <https://document.wikireading.ru/11749>
- ⁸ Василик В. Генерал Власов. История предательства // Виноград. Журнал для родителей. 2010. № 3; Печенкин А. А. Генералы Великой Отечественной войны. Киров, 2017.
- ⁹ Цит. по: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1988.
- ¹⁰ Бучин А. Н. 170 000 километров с Г. К. Жуковым. М., 1994.
- ¹¹ Г. К. Жуков: неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1; Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск, 2000.
- ¹² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 203–206; Солонин М. С. “Дело авиаторов”. URL: <http://www.topwar.ru/310-delo-aviatorov-chast-i.html>; <http://www.aviaport.ru/digest/2010/06/08/196517.html>; Широкоград А. Неужели “без вины виноватые”? // Военно-промышленный курьер. 2010. № 25. URL: <http://vpk-news.ru/articles/5865>.
- ¹³ Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1990; Шахурин А. И. Сокрушение люфтваффе (Воспоминания наркома авиапромышленности). М., 2004.
- ¹⁴ Емельянов Ю. В. Сталин. На вершине власти. М., 2007; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
- ¹⁵ Приказ Министра вооружённых сил Союза ССР за № 009 от 9 июня 1946 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 18. Тверь, 2006. С. 417.
- ¹⁶ Тойчо А. Дело против маршала. 2013, 3 декабря. URL: <http://maxpark.com/community/14/content/2356042>.
- ¹⁷ Флотоводец: Материалы о жизни и деятельности Наркома военно-морского флота адмирала флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова. М., 2004.
- ¹⁸ Цит. по: Куманёв Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 117–118.
- ¹⁹ Сталин И. В. Соч. Т. 15. М., 1997. Ч. 136–137.
- ²⁰ Котляр П., Фалыхов Р. Академиков отчитали, как Молотова. 23 ноября 2016 г. URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/11/23_a_10364279.shtml.
- ²¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 313.
- ²² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 206.
- ²³ Ахматова А. Поэма без героя // Избранное. М., 1974; Берлин И. Из воспоминаний “Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах” // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.
- ²⁴ Самохин А. У рояля – идеолог [Интервью А. Н. Волынца газете “Культура”] // Культура. 2016. 23 февраля.
- ²⁵ Жирнов Е. “Во вражеской группе подготовлялся вопрос о переносе столицы в Ленинград” // Власть. 2000. № 38. С. 55. <https://www.kommersant.ru/doc/17738>.
- ²⁶ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 567.
- ²⁷ Там же. С. 568.
- ²⁸ Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2009.
- ²⁹ См.: Кузнецовский В. Д. “Ленинградское дело”. М., 2016; Рязанов С. К. Сталин или русские. Русский вопрос в сталинском СССР. М., 2018.
- ³⁰ Кузнецовский В. Д. “Ленинградское дело”: наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была потоплена в крови. М., 2013.
- ³¹ Волынец А. Н. Жданов. М., 2013; Его же. Интервью газете “Культура”. 2016. 23 февраля.
- ³² Кузнецовский В. Д. Сталин и “русский вопрос” в политической истории Советского Союза. 1931–1953 гг. М., 2016. С. 61–75.

- ³³ Амосова А. А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации “Ленинградского дела” конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 101–104.
- ³⁴ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. (Новая версия). Часть II. М., 2015. С. 162–165; Семанов С. Н. Иосиф Сталин для русских XXI века. М., 2009. С. 477.
- ³⁵ Филин Г. Советские офицеры создавали армию обороны Израиля // Версия. 2018. 19 февраля. № 7. URL: <https://versia.ru/sovetskie-oficery-sozdavali-armiyu-oborony-izraylya>.
- ³⁶ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. (Новая версия). Часть II. М., 2015. С. 492; Этингер Я. Врачи и их убийцы // Совершенно секретно, 2005. № 6.
- ³⁷ Цит. по: Неопубликованная речь И. В. Сталина на Пленуме Центрального комитета КПСС 16 октября 1952 г. (по записи Л. Н. Ефремова). URL: <http://delokrat.org/statyi/101/>
- ³⁸ Цит. по: Политбюро и дело Берия. Сб. документов. М., 2012. С. 19.
- ³⁹ Чигирин И. И. Отец. “Тайна” смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях. М., 2012.
- ⁴⁰ Малышев В. А. “Пройдёт десяток лет, и эти встречи уже не восстановишь в памяти”: Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 140.
- ⁴¹ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. Документы. М., 2005. С. 462–463.
- ⁴² Жуков Ю. Н. Сталин. Тайны власти. М., 2005. с. 590; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 258.
- ⁴³ Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. М., 2001. С. 60.
- ⁴⁴ Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 176.
- ⁴⁵ Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 216.
- ⁴⁶ Клейн Б. С. Политика США и “дело врачей” // Вопросы истории. 2006. № 6.
- ⁴⁷ Зеленина Г. Евреи в советской прессе первых месяцев 1953 года. <http://old.lechaim.ru/3520>.
- ⁴⁸ Костин А. Л. Убийство Сталина. Все версии и ещё одна. М., 2012.
- ⁴⁹ Лукьянов А. И. Возвращение Сталина // Промышленные ведомости. 2004. Май. № 9–10; Над Н. (Добрюха А. Н.). Сталин и Христос. М., 2011.
- ⁵⁰ Млечин Л. М. Кремль–1953. Борьба за власть со смертельным исходом. М., 2016. С. 232.
- ⁵¹ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2010.
- ⁵² Микоян Н. А., Медведев Ф. Н. Неизвестная Фурцева. Взлёт и падение советской королевы. М., 2011.
- ⁵³ Костин А. Л. Убийство Сталина. Все версии и ещё одна. М., 2017.
- ⁵⁴ См., напр.: Девятов С. В., Сигачёв Ю. В. Сталин. Взгляд со стороны. М., 2018. В печати.
- ⁵⁵ Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 396.
- ⁵⁶ Дроздов В. Как произошла смерть Сталина? // История. 2003. 1–7 марта. № 9.
- ⁵⁷ Цит. по: Чигирин И. И. Отец. “Тайна” смерти И. В. Сталина и неизвестные документы об известных событиях. М., 2012. С. 352. Ср.: Правда. 1963. 20 июля.
- ⁵⁸ Сабов А. Жупел Сталина. Интервью с историком Ю. Н. Жуковым // Комсомольская правда. 2002. 5–21 ноября.
- ⁵⁹ Жуков Ю. Н. “Их расстрелять, мёртвых?” Интервью спецкору “Ленты.ру” 18 декабря 2017 г. URL: https://lenta.ru/articles/2017/12/18/stalina_na_nas_net/
- ⁶⁰ Лясс Ф. Смерть Сталина. 20 декабря 2007 г. URL: http://a.kras.cc/2016/10/blog-post_15.html
- ⁶¹ I. D. [Исаак Дойчер]. Stalin // Encyclopaedia Britannica. London, 1965. Vol. 21, P. 303
- ⁶² Калашников М. [В. А. Кучеренко]. Сломанный меч Империи. М., 2002.
- ⁶³ Жуков Ю. Н. Социализм будет. Новый // Литературная газета. 2017. 20–26 декабря. № 50.
- ⁶⁴ [URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3069132>]